

К ПРОБЛЕМЕ ЧЕШСКО-НЕМЕЦКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ГУСИТСКИХ ВОЙНАХ

Николай Николаевич Наумов

Кандидат исторических наук,
научный сотрудник,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Почтовый адрес: Ломоносовский проспект, д. 27,
корп. 4, Москва, 119192, Россия
Электронный адрес: nn-naumov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6587-1681

Аннотация

Со времени научно-политической полемики между Ф. Палацким и К. Хёфлером в середине XIX в. в определении характера Гуситских войн 1420–1436 гг. чешская историография использует термин «национальный». Казнь Яна Гуса в Констанце и провозглашение крестового похода против гуситов определяются как «оскорбление национальной чести» (Ф. Палацкий), таборитское движение — как «национально-чешская крестьянская война религиозного характера против немецкого дворянства и верховной власти германского императора» (Ф. Энгельс / Й. Мацек). Франтишек Шмагель говорит о «национализме обороны», который был пробужден военным вторжением и охватил все слои общества. В какой мере данный термин и его производные можно применить при исследовании чешско-немецких противоречий, которые существовали в Чешском королевстве того времени? Автор доказывает, что своими «природными врагами» пражские гуситы считали не богемских немцев, а крестоносцев, прибывших из Немецких земель вместе с королем Сигизмундом; в силу этого в отношении немцев у пражских гуситов имела место не культурная, а политическая ксенофобия — ненависть к чужакам.

Ключевые слова

XV век, Священная Римская империя, Чехия, Немецкие земли, Гуситские войны, Сигизмунд Люксембургский, пражские гуситы, богемские немцы, старочешская и средневерхненемецкая терминология, конфессиональные и этнические конфликты

Статья поступила в редакцию 6 сентября 2021 г.

Цитирование: *Наумов Н. Н.* К проблеме чешско-немецких противоречий в Гуситских войнах // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 9–16. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.01>

ON THE PROBLEM OF THE CZECH-GERMAN OPPOSITION IN THE HUSSITE WARS

Nikolay N. Naumov

Ph. D., Researcher,
Lomonosov Moscow State University
Postal address: Lomonosovsky Prospect, 27, bldg. 4,
Moscow, 119192, Russia
E-mail: nn-naumov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6587-1681

Abstract

Since the time of the historico-political polemics between František Palacký and Constantin von Höfler in the middle of nineteenth century, the term “national” has been used by Czech historians to identify the character of the Hussite wars. The execution of Jan Hus in Constance as well as the proclamations of the crusades against the Hussites in Bohemia are defined as “an insult to national honor” (František Palacký), and they produced the Taborite movement as “a national peasant war of the Czech under the flag of religion against the German nobility and the supremacy of the German Emperor” (Friedrich Engels / Josef Macek), while the military invasion released a “national” which spread among the whole society (František Šmahel). To what extent does the term “nationalism of defense” and its derivatives befit the study of the contradictions that existed between the Czechs and the Germans in the Bohemian kingdom of that period? This paper proves that the Prague Hussites did not consider the Bohemian Germans their “natural foes” but did so of the crusaders who came from the German lands along with King Sigismund. The author argues that the Prague Hussites had not a cultural, but a political xenophobia focused on the foreign German invaders.

Keywords

Fifteenth century, the Holy Roman Empire, Czech and German lands, the Hussite wars, Sigismund Luxemburg, the Prague Hussites, the Bohemian Germans, the Old-Czech and Middle High German terms and notions, confessional and ethnic conflicts

Received 6 September 2021

How to cite: Naumov, N. N., 2021. К проблеме чешско-немцких противоречий в Гуситских войнах [On the Problem of the Czech-German Opposition in the Hussite Wars]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (3–4), pp. 9–16. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.01>

В формулировке характера Гуситских войн и в изучении идеологических позиций враждующих сторон чешские и немецкие медиевисты XIX–XXI вв. помимо прочих пользуются и термином «национальный» — вне зависимости от того, к какому методологическому направлению они принадлежат. Фридрих Энгельс определяет таборитское движение как «национально-чешскую крестьянскую войну религиозного характера»¹. Одна-

¹ Энгельс Ф. Борьба в Венгрии // Сочинения Маркса и Энгельса. 2-е издание / ред. Е. А. Степанова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 6. С. 180.

ко такая формулировка никак не подразумевает и не объясняет военного противостояния между Табором и Прагой — силой, в не меньшей степени чешской и гуситской («национальной»), чем табориты, — в частности, битву у Малешова, состоявшуюся 7 июня 1424 г. между таборским гетманом Яном Жижкой из Троцнова и пражским гетманом Дивишем Боржеком из Милетинка². Интересно, что чехословацкий марксист Йозеф Мацек ссылается на определение Энгельса в историографическом обзоре своей монографии о Таборе, но нигде с ним не соглашается и никак не использует его в основном тексте³. Более естественно термин «национальный» звучит у основателя чешской романтической школы Франтишка Палацкого, который в духе Георга Гегеля представлял себе европейскую историю как процесс становления народов и их борьбы между собой: «борьбы славянского элемента с германским» в гегельянском лексиконе Палацкого⁴. В качестве доказательства Палацкий цитирует манифест пражских гуситов 1420 г., называющих немцев «своими природными врагами» (ст.-чеш. *naši přirození nepřátelé*), то есть врагами исконными, «врагами отродясь» — по аналогии с тем стереотипом XIX в., что немцы находятся в состоянии «наследной вражды» (нем. *Erbfeindschaft*) с французами. И «природную вражду» чехов с немцами Палацкий аргументирует словами самих пражских гуситов: «немцы без всякой причины и из постоянной злобы на наш народ прогнали его с Рейна, из Мейсена, из Пруссии — так и с нами поступить хотят и города изгнанных заселить». Так пражане воспринимали осаду столицы, которую предприняло войско чешского наследного монарха, венгерского и римского короля Сигизмунда летом 1420 г. На Палацкого этот манифест произвел такое сильное впечатление, что он записал на полях своей «Истории чешского народа»: «Какой чех, услышав об этом зле, не сотрясется во гневе?»⁵. Палацкий видел в пражских манифестах отражение чешско-немецких противоречий, свойственных его собственному времени. Они коренились в том, что в побелогорский период Чехия превратилась в австрийскую провинцию: согласно основному закону страны, «Обновленному земскому устройству» 1627 г., чешский король из рода Габсбургов был вправе самостоятельно распоряжаться землями, конфискованными у чешских повстанцев (в частности, жаловать их по своему усмотрению, в том

² Bartoš F. M. Husitská revoluce. Praha: nakladatelství Československé Akademie věd, 1966. D. 1. S. 190–192; Mezník J. Tábor a Staré Město Pražské // Československý časopis historický. 1971. Sv. 19. S. 45–52; Urban J. Vyšehradská bitva a první krize ve vztazích husitské Prahy a Tábora // Pražský sborník historický. 1985. Č. 18. S. 38–64.

³ Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. Т. 1. С. 57.

⁴ Palacký F. Die Geschichte des Hussitenthums und Prof. Constantin Höfler. Kritische Studien. Prag: von Friedrich Tempsky, 1868. S. 161.

⁵ Idem. Dějiny národu českého v Čechách a na Moravě. Praha: nákladem knihkupectví J. G. Kalve a pomocí Českého Museum, 1850. D. 3. Č. 1. S. 306.

числе и иностранцам). Так, в среде швабского дворянства после Тридцатилетней войны Чешское королевство образно именовалось «раем знати» (нем. *Paradies des Adels*)⁶.

Но в 1420 г. чешско-немецкие противоречия заметно усложняются в силу следующих обстоятельств. Во-первых, до XIX в. в немецком языке не существовало термина, который бы обозначал четко и недвусмысленно «чеха в этническом смысле»: политико-географический термин *der Böhme* (досл. «богемец») определял совокупность жителей Чешского королевства (лат. *regnum Bohemiae*; нем. *Königreich Böhmen*) и был применим как к местному славянскому населению (чехам и моравам), так и к пришлым элементам — в частности к немцам, с XII в. активно заселявшим земли короны Св. Вацлава⁷. Во-вторых, римский папа Мартин V, римский и венгерский король Сигизмунд, а также имперские князья декларировали в своих грамотах, что идут на войну с «виклефистами и гуситами» (лат. *adversus Wiclefistas Hussitasque*) / «с еретиками в Чехии» (ср.-в.-нем. *wider die keczer zu Behem*)⁸. Придворный хронист Сигизмунда Эберхард Виндеке из Майнца отличал «богемских гуситов и еретиков» от «благочестивых (католических. — Н. Н.) богемцев» (ср.-в.-нем. *die Behemschen Hussen und ketzer / die fromen Behem*)⁹. Стремление к расширению немецкого влияния на восток, которое Палацкий вслед за пражанами приписывает Сигизмунду и имперским князьям, в действительности напрочь отсутствовало: крестовые походы в Чехию были призваны восстановить порядок и защитить христианский мир от ереси, что являлось долгом благородного сословия и прямой обязанностью римского короля и будущего императора, который по праву считал себя его светским главой. Употребление термина «немецкий» в королевских и княжеских грамотах ограничивается констатацией, что грабительские походы пражских гуситов, таборитов и сирот «в немецкие земли» (ср.-в.-нем. *gen Deutschen landen*) причинили немалый ущерб. См., например, грамоту Сигизмунда от 28 августа 1431 г., которой он созвал своих имперских вассалов во Франкфурт-на-Майне к 16 октября¹⁰.

Невозможно обойти стороной вопрос о том, возникла ли к началу Гуситских войн немецкая самоидентичность (и если да, то насколько она была распространена). Уже наличие «нации саксонской» и «нации бавар-

⁶ Volher P. Soziale Folgen des Dreißigjährigen Krieges // Ständische Gesellschaft und soziale Mobilität / hrsg. von Winfried Schulze. München: Oldenbourg, 1988. S. 249.

⁷ Seibt F. Hussitica. Zur Struktur einer Revolution. Köln; Graz: Böhlau, 1965. S. 12.

⁸ Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges vom Jahre 1419 an / hrsg. von F. Palacký. Prag: bei Friedrich Temsky, 1873. Bd. 1. S. 18; Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Sigmund / hrsg. von Dietrich Kerler. Gotha: Friedrich Andreas Perthes, 1883. Abt. 2: 1421-1426. S. 258.

⁹ Windecke E. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / hrsg. von W. Altmann. Berlin: R. Gaertners Verlagsbuchhandlung, 1893. S. 121, 417.

¹⁰ Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Sigmund. Abt. 3: 1427-1431. S. 632.

ской» в числе наций Пражского университета свидетельствует о том, что сами выходцы из немецких земель в начале XV в. осознавали себя баварцами, саксонцами, рейнскими людьми, швабами, но никак не «немцами». *Natio Germanica*, фигурировавшая на церковных соборах в Констанце и Базеле (1414–1418; 1431–1449) наравне с французской, английской, испанской и итальянской «нациями», была в большей степени понятием географическим. Она включала в себя народы, проживавшие к востоку от Рейна: не только носителей немецких диалектов и скандинавских языков (датчан, шведов и норвежцев), но и венгров, поляков и даже самих чехов¹¹. Культурной и политической единицей «германская нация» стала лишь тогда, когда на Вормском рейхстаге 1495 г. имперские собрания приобрели регулярный и публично-правовой характер — когда более-менее определилась совокупность вассалов и подданных Империи, а наследные земли Габсбургов были отделены от остальных немецких земель, которые впоследствии получили научное обозначение «Германии рейхстага» (нем. *Reichstagsdeutschland*)¹². Петер Морав подчеркивает, что важнейшим фактором формирования единой нации в немецких землях XV в. выступили внешние и внутренние конфликты прежде невиданного масштаба, в том числе Гуситские войны, впервые поставившие вопрос о целостности Империи. Под воздействием ответных гуситских нападений 1430-х гг. как в нормативных документах, так и в текстах хроник возник топоним «нации немецкой» / «немецкого христианского народа» (лат. *nacio Theutonica* / ср.-в.-нем. *das Dutsche cristliche volg*), которому гуситы причинили большой вред¹³.

Очевидно, что этому первому выражению немецкой самоидентичности способствовали именно затяжные и неудачные Гуситские войны, к концу которых не только чешские, но уже сами восточные немецкие земли (Франкония, Саксония и Австрия) пострадали от походов таборитского гетмана Прокопа Голого (1428–1434), в то время как в начале 1420-х гг. перед «немецкой стороной» конфликт рисовался в чисто религиозном свете.

Каким образом войну со своими противниками представляли себе сами гуситы? Обратимся к тем манифестам пражских городов, которые рассматривает Палацкий. Один из них был издан 5 ноября 1420 г., через четыре дня после битвы под Вышеградом, в результате которой чешская и моравская шляхта, находившаяся на службе Сигизмунда, неожиданным образом потерпела поражение от пражских горожан. В манифесте пражские гуситы высказали сожаление, что в битве пало пять сотен панов, рыцарей и паносей, принадлежащих к «чешскому языку» (ст.-чеш. *pány, rytíře a panoše*

¹¹ Rosenstock-Huessy E. Die europäischen Revolutionen. Jena: Eugen Diederichs Verlag, 1931. S. 58.

¹² Морав П. Вормский рейхстаг 1495 г. // Средние века. 1997. Вып. 60. С. 221–222.

¹³ Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Sigmund. Abt. 4. 1431–1433. S. 647; Windecke E. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / hrsg. von W. Altmann. Berlin: R. Gaertners Verlagsbuchhandlung, 1893. S. 120.

jazyka Českého)¹⁴. В каком смысле употреблен выделенный термин? Немецкий историк середины XIX в. Константин Хёфлер предложил в качестве перевода немецкое слово *Sprache*, которое обозначает язык как речь. Чешский ученый Франтишек Шмагель обнаружил в документах чешского сейма, относящихся к более позднему времени — правлению короля Владислава Ягеллона (1471–1516), что термин *jazyk* употреблялся в синонимической связке с термином *národ* (народ/нация) — *jazyk neb národ* в качестве типичного средневекового плеоназма, повторяющего взаимозаменяемые слова. Исходя из этого, Ф. Шмагель выдвинул тезис, что термин «язык» в гуситскую эпоху означал «нацию» в культурном смысле, включающую в себя всех тех, кто имеет чешские корни (чеш. *čejství*). Разработку гуситской национальной программы он приписывал Иерониму Пражскому, который утверждал, что только «чистый чех» (лат. *purus Bohemus*), чех как по языку, так и по крови, сохранил в себе чистую веру и любовь к родине¹⁵. Немецкий ученый Фердинанд Зайбт согласился с тем, что старочешский термин обозначал общность языковую (нем. *sprachnationale Gemeinsamkeit*), однако высказал мнение, что он имел и важную социально-политическую функцию. Существующее политическое понятие «чешская земля» (ст.-чеш. *země Česká*) выступало в качестве коллективной идентичности только для чешской шляхты, обладавшей наследуемой земельной собственностью; в то же время понятие «чешский язык» (ст.-чеш. *jazyk Český*) охватывало всю сословную структуру Чешского королевства, в том числе и города. Именно Прага в условиях нелегитимного мятежа против короля Сигизмунда претендовала на лидерство среди политических сил королевства и нуждалась в том, чтобы разработать подходящую коллективную идентичность.

Трактовка К. Хёфлером, Ф. Шмагелем и Ф. Зайбтом «чешского языка» как «языковой» общности выглядит весьма убедительно; тем не менее с ней нельзя согласиться. Рассмотрение старочешского термина *jazyk* в качестве «чешской речи» и «совокупного чешства» не объясняет того факта, что манифест от 5 ноября 1420 г. был продублирован на старонемецком языке и адресован бургомистру, совету и общине западночешского города Кадань (нем. *Kaaden*), недвусмысленно причислив их к «богемским языкам» (ср.-в.-нем. *die Behimischen züngen*). Немецкое слово *Zung* (в отличие от *Sprache*) обозначает язык как орган речи и употреблено здесь во множественном числе. Этот немецкий манифест (точно так же, как и чешский оригинал) содержит жалобу «на немцев и венгров, которые являются страшнейшими врагами наших богемских языков» (ср.-в.-нем. *über die Deütschen und Ungern, die unser Behimischen züngen sein die heftigisten veinde*); более того, призывает жаловаться «над самими собой и над собственными языками сво-

¹⁴ Archív český, čili staré písemné památky české a morawské / Vydal F. Palacký. Praha: w komissj u Kronbergra i w Říwnáče, 1844. D. 3. S. 218.

¹⁵ *Šmahel F. Idea národa v husitských Čechách*. Praha: Argo, 2000. S. 46.

ими» (ср.-в.-нем. *das ir üch über üch selbe erbarmet und über uwer eigen zünge, die üch angeboren ist*)¹⁶. Поскольку к «богемским языкам» принадлежит и немецкоязычная община Кадани, можно заключить, что «чешский язык» в старочешском оригинале — категория не языковая и не культурная, а политическая, которая обозначает простую принадлежность к богемцам — жителям Чешского королевства, без всякой отсылки на то, говорит ли по-немецки или по-чешски та община, к которой было направлено послание.

В этом манифесте пражане утверждают, что немцы и венгры являются заклятыми врагами всех богемцев. Под немцами они, безусловно, понимают крестоносцев из немецких земель, а никоим образом не своих компатриотов. В июне 1421 г. Чаславский сейм под председательством бургомистров, консулов и общин Старого и Нового Пражских городов объявил короля Сигизмунда низложенным с чешского трона. Одной из причин неподчинения королю, законному и коронованному 28 июля 1420 г., был назван крестовый поход, направленный Сигизмундом против Чешского королевства. Утверждалось, что по этой причине «князя и чужеземцы сознательно и по вине Твоей Милости (то есть Сигизмунда. — Н. Н.) чешскую землю жгли, губили и грабили, правоверных чехов, духовных и светских лиц, мужчин, женщин и детей жгли, женщин и девушек насиловали»¹⁷. «Природными врагами» чехов-гуситов считались и объявлялись только немцы из окрестных земель вкупе с венграми, и основанием для этого являлась ксенофобия не этническая, а политическая — ненависть к чужакам.

Таким образом, в 1420 г., когда Сигизмунд и имперские князья вели борьбу за искоренение гуситского учения, пражские гуситы стремились мобилизовать всех богемцев — как чехов, так и немцев — против внешнего противника. Следовательно, взгляд на начало Гуситских войн сквозь призму устоявшихся представлений о чешско-немецких противоречиях (Ф. Палацкий, Ф. Энгельс / Й. Мацек, Ф. Шмагель) упрощает и даже искажает историческую действительность.

Литература

- Мацек Й.* Табор в гуситском революционном движении. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. Т. 1.
- Морав П.* Вормский рейхстаг 1495 г. // Средние века. 1997. Вып. 60. С. 202–222.
- Энгельс Ф.* Борьба в Венгрии // Сочинения Маркса и Энгельса. 2-е изд. / ред. Е. А. Степанова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 6. С. 175–186.
- Bartoš F. M.* Husitská revoluce. Praha: nakladatelství Československé Akademie věd, 1966. D. 1.

¹⁶ Нюрнберг. Государственный архив. Staatsarchiv Nürnberg. Ansbacher Kriegsakten. Karton I. № 6.

¹⁷ Archiv český... D. 3. S. 230.

- Mezník J. Tábor a Staré Město Pražské // *Československý časopis historický*. 1971. Sv. 19. S. 45–52.
- Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a na Moravě. Praha: nákladem knihkupectví J. G. Kalve a pomocí Českého Museum, 1850. D. 3. Č. 1.
- Palacký F. Die Geschichte des Hussitentums und Prof. Constantin Höfler. Kritische Studien. Prag: von Friedrich Tempsky, 1868.
- Palacký F. Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges vom Jahre 1419 an. Prague: bei Friedrich Tempsky, 1873. Bd. 1.
- Rosenstock-Huussy E. Die europäischen Revolutionen. Jena: Eugen Diederichs Verlag, 1931.
- Seibt F. Hussitica. Zur Struktur einer Revolution. Köln; Graz: Böhlau, 1965.
- Šmahel F. Idea národa v husitských Čechách. Praha: Argo, 2000.
- Urban J. Vyšehradská bitva a první krize ve vztazích husitské Prahy a Tábora // *Pražský sborník historický*. 1985. Č. 18. S. 38–64.
- Volker P. Soziale Folgen des Dreißigjährigen Krieges // *Ständische Gesellschaft und soziale Mobilität* / hrsg. v. Winfried Schulze. München: Oldenbourg, 1988. S. 239–268.

References

- Bartoš, F. M., 1966. *Husitská revoluce*. Prague: nakladatelství Československé Akademie věd. Vol. 1.
- Engels, F., 1957. Bor'ba v Vengrii [The Fight in Hungary]. In: E. A. Stepanova, ed, 1957. *Sochineniia Marksa i Engel'sa* [The Works of Marx and Engels]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 175–186.
- Macek, J., 1956. *Tabor v gusitskom revoliutsionnom dvizhenii* [Tabor in the Hussite Revolutionary Movement]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury.
- Mezník, J., 1971. Tábor a Staré Město Pražské. *Československý časopis historický*, 19, pp. 45–52.
- Moraw, P., 1997. Vormskii reikhstag 1495 g. [The Imperial Diet of Worms of 1495]. *Srednie veka*, 60, pp. 202–222.
- Palacký, F., 1850. *Dějiny národu českého v Čechách a na Moravě*. Prague: nákladem knihkupectví J. G. Kalve a pomocí Českého Museum. Vol. 3. P. 1.
- Palacký, F., 1868. *Die Geschichte des Hussitentums und Prof. Constantin Höfler. Kritische Studien*. Prague: von Friedrich Tempsky.
- Palacký, F., 1873. *Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges vom Jahre 1419 an*. Prague: bei Friedrich Tempsky. Bd. 1.
- Rosenstock-Huussy, E., 1931. *Die europäischen Revolutionen*. Jena: Eugen Diederichs Verlag.
- Seibt, F., 1965. *Hussitica. Zur Struktur einer Revolution*. Cologne; Graz: Böhlau.
- Šmahel, F., 2000. *Idea národa v husitských Čechách*. Prague: Argo.
- Urban, J., 1985. Vyšehradská bitva a první krize ve vztazích husitské Prahy a Tábora. *Pražský sborník historický*, 18, pp. 38–64.
- Volker, P., 1988. Soziale Folgen des Dreißigjährigen Krieges. In: W. Schulze, ed, 1988. *Ständische Gesellschaft und soziale Mobilität*. Munich: Oldenbourg, pp. 239–268.